

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ДЖЕЙМСА БАЛЛАРДА

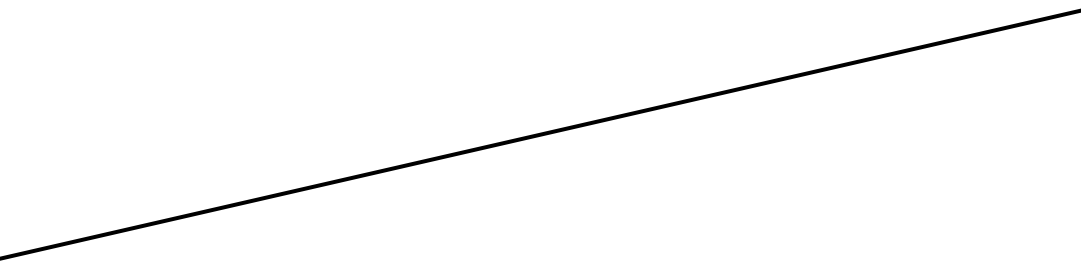

ИМПЕРИЯ СОЛНЦА
ДОБРОТА ЖЕНЩИН

J. G. BALLARD

EMPIRE OF THE SUN

THE KINDNESS OF WOMEN

ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

ИМПЕРИЯ СОЛНЦА

ДОБРОТА ЖЕНЩИН

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б20

J. G. Ballard
EMPIRE OF THE SUN
Copyright © J. G. Ballard 1984

THE KINDNESS OF WOMEN
Copyright © J. G. Ballard 1991

Перевод с английского
Вадима Михайлина («Империя Солнца»),
Галины Соловьевой («Доброта женщин»)

Дизайн *Елены Куликовой*

Книга не пропагандирует употребление алкоголя, наркотиков или любых других запрещенных веществ. По закону РФ приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, а также культивирование психотропных растений является уголовным преступлением, кроме того, наркотики опасны для вашего здоровья.

18+

Баллард, Джеймс.

Б20 Империя Солнца. Доброта женщин / Джеймс Баллард ; [перевод с английского В. Ю. Михайлина, Г. В. Соловьевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 704 с.

ISBN 978-5-04-215925-1

Основанные на личных воспоминаниях Джеймса Балларда, эти два автобиографических романа прослеживают путь мальчика, пережившего войну, — и мужчины, потерявшего мир.

Юный Джим оказывается в оккупированном японцами Шанхае, проходит через голод, концлагерь и марш смерти. История о выживании и потере невинности, написанная с пронзительной честностью и пугающей ясностью.

Спустя годы Джим возвращается в Англию, заканчивает медицинский факультет, проходит военную подготовку и женится. Но личная трагедия разрушает хрупкую стабильность, и он погружается в тревожную бурю шестидесятых — эпоху насилия, свободы и размытых границ между телом и памятью.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© В. Михайлин, перевод на русский язык, 2025

© Г. Соловьева, перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215925-1

СОДЕРЖАНИЕ

ИМПЕРИЯ СОЛНЦА

Джон Ланчестер. ПРЕДИСЛОВИЕ К «ИМПЕРИИ СОЛНЦА».
Перевод Е. Трубецкой 11

Джеймс Баллард. ИМПЕРИЯ СОЛНЦА
Перевод В. Михайлина 17

ЧАСТЬ I

1. Канун Перл-Харбора	23
2. Нищие и акробаты	35
3. Заброшенный аэродром	43
4. Нападение на «Буревестник»	53
5. Бегство из госпиталя	64
6. Парень с ножом	71
7. Высохший бассейн	79
8. Затянувшийся пикник	89
9. Мир без добрых людей	97
10. Сухогруз на отмели	102
11. Фрэнк и Бейси	110
12. Танцевальная музыка	118
13. Летний кинотеатр	125
14. Американские самолеты	132
15. По дороге в лагерь	139
16. Плоток воды	144
17. Пейзаж с аэродромами	156

18. Бродяги 167
19. Взлетно-посадочная полоса 176

ЧАСТЬ II

20. Лагерь Лунхуа 183
21. Угол 192
22. Школа жизни 199
23. Воздушный налет 209
24. Больничка 218
25. Кладбищенский огород 226
26. Ветераны Лунхуа 237
27. Казнь 248
28. Исход 256
29. Поход на Наньдао 267
30. Олимпийский стадион 279
31. Империя Солнца 288

ЧАСТЬ III

32. Евроазиат 299
33. Летчик-камикадзе 305
34. Летающий холодильник 310
35. Лейтенант Прайс 317
36. Мухи 329
37. Забронировать комнату 334
38. Дорога на Шанхай 340
39. Бандиты 348
40. Упавший летчик 360
41. Операция по спасению 368

ЧАСТЬ IV

42. Страшный город 375

Джеймс Баллард. КОНЕЦ МОЕЙ ВОЙНЫ

Перевод Е. Трубецкой 383

ДОБРОТА ЖЕНЩИН

Мишель Фейбер. ПРЕДИСЛОВИЕ К «ДОБРОТЕ ЖЕНЩИН» <i>Перевод Е. Трубецкой</i>	401
Джеймс Баллард. ДОБРОТА ЖЕНЩИН <i>Перевод Г. Соловьевой</i>	407
ЧАСТЬ I. СЕЗОН УБИЙЦ	
1. Кровавая суббота	411
2. Неудавшийся побег	429
3. Японские солдаты	444
ЧАСТЬ II. БЕЗУМНЫЕ ГОДЫ	
4. Королева ночи	467
5. Ребята из НАТО	486
6. Волшебный мир	504
7. Остров	518
8. Доброта женщин	538
9. Чокнутые	553
10. Царство света	569
11. Выставка	582
12. Под объективом камеры	601
13. Станция скорой помощи	620
ЧАСТЬ III. ПОСЛЕ ВОЙНЫ	
14. При свете дня	639
15. Последний выпуск	654
16. Невероятный дворец	667
17. Выкуп за мечту	681
Уилл Селф. БАЛЛАРДОВСКИЙ ПОДХОД <i>Перевод Е. Трубецкой</i>	696
Джеймс Баллард, Дэнни Дензигер. ХУДШЕЕ ИЗ ВРЕМЕН <i>Перевод Е. Трубецкой</i>	699

ИМПЕРИЯ СОЛНЦА

Предисловие к «Империи Солнца»

Джон Ланчестер

Выход «Империи Солнца» в 1984 году произвел огромный эффект. Он был двойственным: с одной стороны, публикация книги повлияла на репутацию ее автора. В том году Дж. Г. Балларду исполнилось пятьдесят четыре, он уже издал девять романов и больше дюжины сборников рассказов. Уже имел реноме писателя, которым восхищаются, у которого есть поклонники. Это подразумевало определенный круг восторженных читателей — впрочем, не слишком широкий. Балларда знали как писателя научной фантастики. Излишне многозначное понятие, которое, возможно, отвращает больше людей, нежели привлекает. Когда позже, в 1987 году, я беседовал с Баллардом у него дома, в Шеппертоне, готовясь писать статью о романе *The Day of Creation*, он специально попросил меня не называть новую книгу «научной фантастикой». Это была бы слишком узкая формулировка, ограничивающая представление читателей. Даже те из нас, кто восхищался этой книгой, понимали, почему она не снискала широкой популярности. Текст живой, образы ясные — но тем сильнее бросается в глаза странность миров, описанных Баллардом. Большинству обывателей его никогда не понять — но мы, истинные поклонники, любили его за это еще больше.

И вот вышла «Империя Солнца». Вместо ожидаемых фантастических картин, чуждых и таинственных, читатель получил весьма реалистичную, во многом автобиографическую историю жизни подростка в Шанхае во время войны. Новая книга, казалось, объясняла, увязывала в определенный контекст предыдущие. Она сразу же снискала популярность, и не только из-за достоинств сюжета: широкой публике вдруг стало в принципе понятно творчество Бал-

ларда. Во всех его книгах так или иначе присутствовала атмосфера покинутости: высохшие бассейны, разбитые самолеты, разрушенные, опустевшие дома. Объекты, созданные людьми и для людей, но служащие совсем иным целям, которые и представить-то трудно — либо отданные на откуп природе. И теперь стало ясно, где исток этих образов: в Шанхае.

Баллард родился в Шанхае в 1930 году и провел там первые шестнадцать лет жизни. В предвоенные годы Шанхай претендовал на звание самого интересного — и диковинного — города в мире. Большую часть Китая уже контролировали японцы, вторгшиеся туда в 1937 году. Зверства, которые они творили на захваченных территориях, стали одними из самых ужасных в двадцатом веке. Особенно страшный эпизод стал впоследствии известен как Нанкинская Резня. Но Шанхай частично оставался в стороне от хаоса войны. Часть города занимал Международный сеттльмент¹ — территория, которую китайцы вынуждены были отдать в соответствии с договором, положившим конец опиумным войнам девятнадцатого века. В Международном сеттльменте не действовали китайские законы и правила, однако там проживало более миллиона китайцев. Когда пришли японцы, их армия остановилась на границе сеттльмента: перейти ее означало бы объявить войну союзному правительству. Японцы предпочли дождаться атаки на Перл-Харбор и только потом нанесли удар. О том, что случилось дальше, и повествует «Империя Солнца» — очень личная, хоть и частично вымышленная история переживаний самого автора, гармонично и точно вписанная в исторический контекст.

Темы, которые Баллард косвенно затрагивал и в других работах, в «Империи Солнца» выходят на первый план. В каждом его романе сквозит ощущение, что реальный мир вокруг нас — не более чем театральные подмостки. Хлипкая, временная декорация, которая может исчезнуть, внезапно и навсегда. Причем речь идет вовсе не о возвышенной концепции «реальность — это иллюзия» в буддистском или юмовском понимании. Нет, посыл, который не-

¹ Территория Шанхая, находившаяся под международным управлением с 1842 по 1943 год. — *Здесь и далее прим. редактора.*

сет Баллард, гораздо мрачнее. В его романах любая, сколь угодно надежная реальность может разлететься вдребезги и собраться заново, в совершенно ином виде. В «Империи Солнца» это начинается уже на первой странице. «По ночам на стене его спальни на Амхерст-авеню, казалось, мерцали неровным светом одни и те же немые фильмы и превращали его спящий мозг в безлюдный кинозал, где показывают хронику». А когда война действительно докатывается до Шанхая, Баллард очень ярко показывает этот переход из старой жизни в новую: афиша «Унесенных ветром» с кадром пылающей Атланты на фоне настоящего пожара, уже бушующего в Шанхае. «Плотники-китайцы снимали фанерные щиты с написанным на них дымом пожарищ, который вздымался высоко — казалось, в самое шанхайское поднебесье — и был едва отличим от настоящего дыма, все еще висевшего над многоэтажками Старого города, где нерегулярные гоминьдановские части пытались было остановить японское наступление». Этот образ города, охваченного огнем, становится реальностью. На протяжении следующих трехсот страниц реальность останется зыбкой, и жизнь Джима все время будет в опасности.

В этом мире, как и в других, созданных Баллардом, много образов, балансирующих на грани символизма. Юного Джима завораживает все, что связано с авиацией, особенно военной. Он знает очень много о реальных военных самолетах, как союзнических, так и японских. Разбираться в самолетах, как с горечью видит читатель, Джим начинает не от хорошей жизни, но в то же время и они, и их пилоты становятся символом свободы, пути на волю, прочь от Шанхая и ужасов войны. Эта тенденция прослеживается во всех книгах Балларда: некая часть реальности является одновременно и фантастическим элементом. В «Затонувшем мире» это подводный город, в «Высотке» — многоэтажный дом, в *The Day of Creation* — река. В каждой работе Балларда чувствуется огромное психологическое напряжение, угадывается воздействие неких сильных эмоций на все основные образы. И только теперь мы, читатели, вроде бы уяснили, откуда взялись все эти эмоции.

И сам настрой баллардовских книг тоже, казалось, стало проще понять. Всем его работам свойственна общая характерная черта:

яркие, мощные образы выписываются нарочито безэмоционально. Его рассказчики — слово «герои» здесь не вполне уместно — видят вокруг себя что-то невероятное, немислимое, но внешне остаются бесстрастными. Актеры, когда разыгрывают комедию, придерживаются железного правила: сохранять серьезность. Зритель должен поверить: они и не подозревают, что происходит что-то смешное. Так и персонажи Балларда, сталкиваясь с ужасами, никогда не показывают страха. Их невозмутимость в числе прочего и наделяет его книги такой мощью, пронизывает такой тревогой. Корни этой невозмутимости, этой особенной, поразительной скудости эмоций опять-таки следует искать в Шанхае. И, судя по всему, вызвана она детскими впечатлениями от таких картин, которые маленький ребенок в принципе видеть не должен. Чего стоит одна только флотилия гробов, проплывающая каждую ночь по Янцзы в окружении бумажных цветов. «Джиму не нравилась эта мертвецкая регата. В занимающемся свете утра завитки бумажных цветов были похожи на внутренности, разметанные вокруг жертв взрыва на Нанкинском проспекте, когда террорист бросил бомбу». В одиннадцать лет ничего этого не должно быть у человека в голове: ни гробов, ни террористов, ни разорванных внутренностей. А в романе Балларда таких картин полным-полно. «Приглядевшись к перчатке повнимательней, Джим понял, что это кожа с руки корабельного старшины, обгоревшая и целиком отставшая от мяса во время пожара в машинном отделении».

К этому ужасу примешивается чувство покинутости. Джим живет в мире, где больше нет ни безопасности, ни любви, ни авторитета старших — короче говоря, в мире без родителей. Сам Баллард отправился в лагерь для интернированных вместе с отцом и матерью. Так уж вышло, что в том же лагере оказался мой крестный, Билл Стюарт, и он был очень категоричен на этот счет. «Я хорошо знал Джеймса Балларда, — говорил он, имея в виду отца писателя, — у них все было не так». Но важно другое — как это ощущалось. В подобных лагерях родители ничем не могли помочь своим детям. Их жизнь и смерть зависела от одних только японцев. Дети это тоже понимали. В «Империи Солнца» Джим остался без родителей, потому что в реальной жизни было не важно, рядом они или

нет — человек все равно чувствовал себя покинутым, одиноким. «На душе у него стало вдруг необычайно легко, не оттого, что родители от него отказались, а оттого, что он заранее знал, что так и будет, и теперь ему было на это плевать».

В «Империи Солнца» все это собрано воедино: реальность как театральная декорация, мощные образы на грани символизма, ужасные картины войны и странное равнодушие к ним. Отношение к Балларду изменилось буквально на следующий день после выхода книги. Поклонники всегда четко ощущали в его текстах творчески переработанную правду, но лишь теперь мы как следует поняли, откуда она родом.

Но важной эту книгу делает не только ее влияние на репутацию автора. «Империя Солнца» считается одним из лучших английских романов о Второй мировой. Это драматическое повествование о войне, о ее колоссальном географическом размахе, о ее историческом значении для всего мира. Ужасающее спокойствие, с которым Джим глядит на смерть, еще страшнее оттого, что это очень показательная реакция. Джим — дитя войны и привык к подобным картинам. Это страшно, но в таких обстоятельствах естественно. В войне двадцатого века, впервые за всю историю человечества, типичный воин — вовсе не воин, а обычный мирный человек. Эта-то горькая правда и отражена в истории Джима.

Отражено там и многое другое, и ярче всего — ощущение полнейшего хаоса войны. Ее ход обычно описывают через сражения, через крупные и мелкие конфликты. Рассказывают о линиях фронта, арьергардных боях, атаках и отступлениях. Но для людей, особенно гражданских, которым просто приходится переживать войну, она представляет собой именно хаос — бесформенный, изменчивый, непредсказуемый. Маленький Джим каждую секунду может расстаться с жизнью, он усвоил это так хорошо, что уже успел смириться. В Шанхае и его окрестностях нет больше ни власти, ни закона, а есть только смерть. И таких мест в двадцатом веке было множество. Мои дедушка и бабушка были в Гонконге, когда его захватили японцы (отца они успели отправить в Австралию). Иногда бабушка рассказывала о тех временах и о жизни сразу по-